

На склоне горы, обращённом к Гунгашань, Кан Чжэ с непроницаемым лицом смотрел на Тан Юйхуэя. Тот осторожно обнимал его, подняв на него встревоженное лицо. Кан Чжэ отчаянно хотелось отвернуться или просто сказать: «Не смотри». Он знал, что его руки дрожат, но в душе не испытывал никаких особенно сильных чувств. «Они дрожат каждый раз». Эта мысль показалась Кан Чжэ даже немного забавной. Однако сейчас он смотрел в это зеркало без тени сарказма на лице. Казалось, сами объятия освобождали его от необходимости притворяться сильным.

Кан Чжэ снова захотелось курить. А ещё — по-настоящему вдохнуть. Или заснуть так, чтобы неважно было, проснёшься или нет. Кан Чжэ отстранённо заглянул в своё лишённое всяких волнений нутро и нашёл там лишь горстку уставшего пепла от догоревших дров — и больше ничего. «Хватит, не смотри, — устало подумал Кан Чжэ. — Перестань. Я ведь разобью тебя вдребезги».

Человек перед ним безмолвно принимал его объятия. Тан Юйхуэя охватила лёгкая паника. В полной растерянности, не зная, как поступить, он инстинктивно прибег к единственному известному ему способу утешения: он обнял Кан Чжэ так, как хотел бы, чтобы обнимали его самого, и от этого его жест казался немного неловким. Безмолвная, холодная дрожь Кан Чжэ вызвала в душе Тан Юйхуэя внезапную, опустошающую боль. Даже сейчас объятия не давали ощущения реальности, словно он обнимал не человека, а грозовую тучу, готовую вот-вот пролиться ливнем и без следа раствориться в небе.

Однако то душераздирающее сочувствие, что сдавило ему горло, не давая заплакать, оказалось лишь обманом чувств, мимолётной иллюзией. В следующую секунду дрожь Кан Чжэ унялась. Он спокойно, почти отстранённо, убрал его руки. Тан Юйхуэй ошеломлённо замер. Кан Чжэ зажёл сигарету, сделал одну медленную, долгую затяжку и выпустил в небо длинную струйку дыма. Помедлив, он повернулся к Тан Юйхуэю и улыбнулся — своей обычной, знакомой улыбкой.

На глазах у Тан Юйхуэя уголки его губ лениво дрогнули в подобии усмешки. Затем Кан Чжэ решительно потушил недокуренную сигарету, шагнул к Тан Юйхуэю и взял его за руку. Тот услышал, как Кан Чжэ, вздохнув, произнёс:

— Довольно.

Без лишних слов Кан Чжэ повёл Тан Юйхуэя к одинокому камню. Вопреки ожиданиям, это был просто огромный, ничем не примечательный камень. Единственное, что бросалось в глаза, —

следы, указывающие на то, что его когда-то притащили сюда.

Подойдя ближе и присмотревшись, Тан Юйхуэй понял, что увиденная им издали развевающаяся лента — на самом деле красный стяг с тибетскими письменами, привязанный к ветке высокой пихты. Тан Юйхуэй не мог разобрать написанное, но было ощущение, что это похоже на имя.

Спустя какое-то время Кан Чжэ наконец заговорил:

— Когда ты был у меня дома, мой отец упоминал моего друга?

Сердце Тан Юйхуэя тревожно дрогнуло, словно подтвердило некое подозрение. Он осторожно, почти шёпотом, ответил:

— Помню.

— Я так и знал, — слабо улыбнулся Кан Чжэ. — Когда у моего отца такое выражение лица, сразу понятно, что он вспоминает именно о нём.

— А-Чжэ... — слова застряли у Тан Юйхуэя в горле. В робкой, почти умоляющей попытке утешить его, он кротко взял его за руку, вкладывая свою ладонь в его и делясь своим теплом.

— Вы чем-то похожи, но не сильно. Ты помнишь его имя? Его звали Санджи. Но здесь похоронен не он. — Кан Чжэ сжал его руку в ответ и вдруг, повернувшись, задал вопрос: — Ты ведь знаешь, что у тибетцев в земле хоронят только грешников, да?

Тан Юйхуэй на миг замялся и очень тихо ответил:

— Знаю...

Кан Чжэ довольно грубо сжал его пальцы.

— Не надо так осторожничать. Это не я его похоронил, да и его духа здесь нет. Он не слышит и не обидится.

У Тан Юйхуэя не находилось слов. Он как раз собирался предпринять ещё одну, менее нелепую попытку утешения, когда его прервал голос Кан Чжэ. Пугающе ровно и медленно он произнёс:

— А вот мой дух — здесь.

Тан Юйхуэй резко вскинул голову, его губы непроизвольно приоткрылись. Их сцепленные руки дрогнули. Кан Чжэ, не обращая на него внимания, продолжил, погружённый в свои мысли:

— Здесь похоронены лишь его жалкие пожитки: одежда, книги... да и было ли что-то ещё? Думаю, это и есть всё его достояние. — На его губах мелькнула горькая усмешка. — Не было ровным счётом ничего. Поэтому я просто приволок сюда камень. Но это место... по крайней мере, отсюда видны заснеженные горы. Его тело мы так и не нашли. Скорее всего, его давно смыло селом в горах.

Кан Чжэ говорил об этом ровным, безразличным тоном:

— Я думаю, это и к лучшему. Всяко лучше, чем лежать в земле. — Словно читая лекцию, он безэмоционально пояснил: — В представлении тибетцев погребение в земле — самый унижительный способ захоронения, наказание для усопшего. Их души оказываются заперты в земле и не могут вознестись на небеса. Раньше такая жестокая участь доставалась лишь разбойникам, убийцам или тем, кто принёс заразную болезнь.

— Даже если ты не буддист, ты должен понимать, — добавил Кан Чжэ, — то, как ты умираешь,

для нас на самом деле гораздо важнее того, как ты жил.

Тан Юйхуэй долго молчал, прежде чем тихо спросить:

— Почему?..

Кан Чжэ отвернулся, устремив взгляд на развевающийся красный стяг. Он ответил не сразу.

— Честно говоря, я и сам не до конца понимаю. Его отец был слишком жесток. Такой добрый человек... как можно было так поступить? Почему? Не знаю. Не думаю, что он того заслуживал.

То ли природный инстинкт, то ли обострившаяся до предела интуиция заставили Тан Юйхуэя в этот миг ощутить леденящий страх. Он почувствовал, что должен немедленно уйти, прекратить расспросы и ни в коем случае не слушать продолжения. В отчаянном, рефлексном порыве он вцепился в рукав Кан Чжэ, как солдат, бегущий с поля боя, пришедший в смятение от одного лишь вида камня и дерева.

— А-Чжэ...

Слишком поздно. Тело Кан Чжэ уже окутывал застарелый, безмолвный, похожий на тюремную клетку дым воспоминаний. Он спокойно оттолкнул от себя это зеркало и отпустил руку Тан Юйхуэя.

— Он был всего лишь геем, влюбившимся в своего друга. Этого было не нужно. Это было чересчур.

Три года назад. Шэньчжэнь, улица Чжюань, 28, Северный вокзал.

Кан Чжэ прислонился к колонне и, маясь от безделья, теребил пачку сигарет в кармане брюк. Поразмыслив, он решил, что платить штраф за такую мелочь всё-таки не стоит. Главным образом потому, что быть пойманным и расплачиваться на глазах у всех — хлопотно, да и выглядит довольно глупо. Он устало протяжно выдохнул.

Вчера вечером в мастерскую пригнали почти убитый «Сузуки». Непонятно, с какой дороги он слетел, чтобы его ушатали до такого состояния. Компания богатеньких сынков явно не бедствовала. Кан Чжэ хотел сразу же закрыть ворота и выпроводить их, но оказалось, что хозяин мастерской знаком с владельцем машины. Он специально примчался и, улыбаясь во весь рот, велел Кан Чжэ не торопиться и не спешить с ремонтом.

Владелец мастерской был другом Кан Чжэ, с которым тот познакомился ещё в Цинхае. Он редко появлялся в мастерской, но они поддерживали хорошие отношения. Кан Чжэ взвесил все за и против и решил, что это, хоть и будет немного хлопотно, поможет скоротать оставшееся в Шэньчжэне время.

В то утро он как раз чинил выхлопную трубу и был с ног до головы в грязи. Его одновременно донимали и жара, и досада, когда ему вдруг позвонил отец и с ходу попросил съездить на вокзал встретить одного человека.

Кан Чжэ почти растерянно переспросил:

— Кого встретить?

— Хм? Разве дядя Дэцзи тебе не звонил? — ответил отец. — Санджи приехал в Шэньчжэнь

искать работу. Поезд прибывает после двух. Я сказал ему пока пожить у тебя.

Нервы Кан Чжэ натянулись. Он прикрыл глаза и совершенно бесцветным голосом произнёс:

— А, Санджи. — Он переложил телефон в другую руку, чуть отстранив его от уха. — Чем я ему помогу? Я сам тут на птичьих правах.

Отец усмехнулся на том конце провода:

— Не хочешь — так и скажи. Разве я когда-нибудь тебя заставлял? Но учти: Санджи здесь как слепой котёнок, он и на путунхуа-то толком не говорит. Вы же выросли вместе, он столько лет называл тебя братом. Его мать умерла много лет назад, а отец с трудом согласился отпустить его повидать мир. Подумай, хватит ли у тебя совести бросить его.

Кан Чжэ повесил трубку и пролистал историю звонков. Действительно, вчера ему несколько раз звонили с незнакомого номера. Хотя Кан Чжэ никому не давал свой номер телефона, ему часто кто-то названивал. Пару раз бездарно потратив время на такие звонки, Кан Чжэ перестал отвечать на неизвестные номера.

Такой человек, как дядя Дэцзи, наверняка, позвонив пару раз и не дозвонившись, решил больше не утруждаться. А когда Санджи сойдёт с поезда и свяжется с ним, он немедленно заставит его купить обратный билет, лишь бы не доставлять хлопот.

Кан Чжэ посмотрел на свою руку, перепачканную машинным маслом, и искренне вздохнул. Лето было уже на пороге, и Шэньчжэнь походил на раскалившуюся печь: было невыносимо жарко. Простояв в здании вокзала всего несколько минут, Кан Чжэ почувствовал, как его спина взмокла от пота.

Разговор с арендодателем высосал из него все соки: он был вынужден подавить раздражение, чтобы спокойно договориться, и теперь чувствовал себя абсолютно опустошённым. Влажная жара, как в бане, только усугубляла это состояние, и Кан Чжэ казалось, что даже сделать вдох — непосильный труд.

Отец сказал ему, что у Санджи нет телефона, и велел быть внимательнее при встрече. Кан Чжэ от этого чуть не потерял дар речи: он уехал из дома несколько лет назад, неужели отец не боится, что он потеряет гостя? Услышав это, отец мягко рассмеялся в трубку и сказал, что Санджи такой послушный, что не доставит ему хлопот.

Кан Чжэ не отрываясь смотрел на выход к поездам, даже телефон не достал — иначе потом искать человека будет ещё сложнее. Тяжёлые тучи в тот день низко висели над Шэньчжэнем, казалось, вот-вот хлынет дождь.

Кан Чжэ побывал во многих местах, но всегда предпочитал сухой климат. Он ненавидел липкую влажность и теперь, хмуро глядя на свинцовое небо, чувствовал, что его раздражение достигло предела. Но, как бы то ни было, нельзя так встречать друга, проделавшего путь в тысячу ли. Кан Чжэ начал своё привычное упражнение — отключаться, освобождая голову от мыслей.

Позже Кан Чжэ вспоминал, что в тот день в Шэньчжэне действительно пошёл дождь. Что он, немного подождав, всё же вышел на улицу выкурить сигарету. Что у Санджи был купленный на вокзале старенький мобильник. Ещё он вспоминал то, о чём будет жалеть бесчисленное множество раз, то, что станет его ловушкой на долгие годы — его искреннюю первую мысль при виде друга детства, которого он не видел столько лет.

Кан Чжэ позволил вернуться воспоминаниям, которые так усердно подавлял. В тот день, три года назад, стоя под проливным дождём, он увидел эти знакомые глаза, робкие и вместе с тем полные искреннего тепла, увидел бегущего к нему человека, и его сознание безразлично и прямо констатировало: «Какая же обуза».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130190>